

Тетради

Русской экспертной школы

2017 № 4

Москва
Русская экспертная школа
2017

УДК 316.75(470+671)
ББК 60.0(2Рос)
Т37

Партнёры:

Всемирный русский народный собор
Философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова
Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь)

Книга издана при финансовой помощи
Фонда просвещения «МЕТА»

Т37 Тетради Русской экспертной школы № 4 : научное издание / Под ред. В. А. Щипкова. – М. : Русская экспертная школа, Пробел-2000, 2017. – 136 с.

ISBN 978-5-98604-646-4

Настоящий номер Тетрадей Русской экспертной школы представляет собой сборник избранных экспертных позиций и докладов, обсуждавшихся на семинарах и конференциях Школы в 2017 году. В этом номере рассматриваются следующие вопросы: какого человека формирует современное образование, как осуществляются революции в современном мире, как события 1917 года влияют на современный политический дискурс, как формируется образ Русской Православной Церкви за рубежом, что такое интеллектуальная дипломатия и каковы истоки культурного кризиса современной Европы.

Наши электронные контакты:
ruseschool@yandex.ru
vk.com/ruseschool

ISBN 978-5-98604-646-4

© Русская экспертная школа, 2017.
© Щипков В. А., 2017.
© Пробел-2000, 2017.
© Фонд просвещения «МЕТА», 2017.

Содержание

В. А. Щипков

Отношение к 1917 году как показатель
идеологических поисков в современной России (доклад) 5

А. П. Козырев

Философия образования и философия человека.
Какого человека формирует современное «глобальное образование» .. 39

О. А. Матвейчев

Революция под ключ. Кто заказывает
и как осуществляются революции в современном мире 65

А. Б. Рогозянский

Образ русского православия в экспертных сообществах Запада 91

Е. А. Белжеларский

Переосмысление модерна:
цивилизационное превосходство и Другой 102

Интеллектуальная дипломатия

В. А. Щипков

Что такое интеллектуальная дипломатия 109

Е. Е. Мамаев

О докладе М. Папазу «Размышления о Европе:
идентичность и верность» 112

М. Papazu

Reflections on Europe: Identity and Fidelity 120

ОБРАЗ РУССКОГО ПРАВОСЛАВИЯ В ЭКСПЕРТНЫХ СООБЩЕСТВАХ ЗАПАДА

Русская церковь представляет собой сложный объект для описания, особенно с точки зрения зарубежного наблюдателя. Применительно к ней проблема кросс-культурной передачи смыслов становится ещё более актуальной. Если Россия для Запада представляется парадоксом, вызывая спектр непростых чувств — удивление, недоумение, беспокойство, то религиозная составляющая русской культуры, русского исторического самосознания и политической традиции понимается с ещё большим усилием.

Причин этому несколько, прежде всего внутренних, определяемых своеобразными чертами православия — герметичностью, интроверсивностью традиционной церковности. В светской сфере — по линиям экономики, политики, науки, искусств, общественного устройства, государственного управления, военного дела — между Россией и западными странами на протяжении по меньшей мере 500 лет происходят диалог и взаимодействие. Объективно, по тому вкладу, который внесли русские, можно судить о значительной общности историко-цивилизационного процесса. Русское православие не испытывает большого желания смотреться в зеркало западного христианства. Сначала оно оставалось безразличным к развитию схоластики, затем — к реформационной волне, конфессиональным теологическим дискуссиям, становлению библейской науки и

критической школы. Западноевропейские заимствования для Русской церкви ограничены и носят поверхностный, стилистический характер, как, например, в барочно-классицистических храмовых архитектуре, интерьере и иконописи.

Ортодоксия настаивает на самоуглублении. Свою роль также сыграло и то, что другие подвиды традиции: греческая, антиохийско-сирийская, сербская — в развитии своём оставались лимитированы мусульманским владычеством. Самодостаточность русского религиозного менталитета в данных исторических обстоятельствах легко объяснима.

Есть также собственно исследовательские причины затруднений. При изучении Русской церкви одинаково непродуктивными представляются как унифицирующая позиция цивилизатора, так и романтизация «загадочной русской души», характерная, как вы знаете, для некоторых работ западной интеллигенции, европейских и американских диссидентов — Освальда Шпенглера, Патрика Бьюкенена и других. Можно вместе с Рильке восторгаться Россией: «Все страны граничат друг с другом, и только Россия граничит с Богом». Но если на этой художественной фигуре речи, на патетической ноте начать основывать содержательные анализ и прогностику, боюсь, Россия разочарует. Ибо слишком многое не укладывается не только в представления об идеальном, Божественном, но даже и в более скромные представления относительно здравого смысла, умеренности, приличий и тому подобного.

С другой стороны, также не выглядит адекватным взгляд на Русскую церковь как на варваризованный, обазиятченный вариант западного христианства, желание анализировать её в соответствии с тенденциями западной религиозности. «Ошибки экспертизы» случались не раз. Достаточно вспомнить ошибку

идеологов нацистской Германии, которые перед началом наступления на Восток чрезмерно оценивали протестный потенциал Русской православной церкви, усматривая в притеснениях религиозной свободы в СССР возможности коллаборации против Сталина. Притеснения в СССР и в самом деле были чудовищными. По логике горечь от поругания святынь, разрушения церквей, арестов священнослужителей, совершённых в 1920–1930-е годы, должна была обострить жажду справедливости и возмездия в отношении большевиков. На деле же расщепления патриотического чувства не произошло. Религиозный фактор играл важную роль в консолидации в ходе Отечественной войны, превращения этой войны в «народную и священную».

И здесь не фрустрация, наступившая в результате гонений и выражающаяся в неспособности вести собственную политическую партию, безволие, с панической боязнью прогневить коммунистических вождей и карательные органы. Таков традиционный императив: самоотдача, умение отбросить в сторону разногласия ради изгнания врага любой ценой. Русским приходилось много воевать на протяжении столетий. В том, что касается оборонительной войны, этику коллективного выживания, этику долга можно считать отработанной до автоматизма.

Другой эпизод. К 1970-м у многих на Западе создалось впечатление, что Советы добавляют церковь и религию. Тяжёлый удар был нанесён второй волной гонений при Никите Хрущёве. Уходило из жизни старшее поколение, воспитанное в рамках церковного уклада; модернизация направляла страну и народную жизнь всё дальше к секуляризованным формам. За рубежом считалось, что существуют лишь незначительное число политических диссидентов, находящихся под неусыпным контролем КГБ, и весьма малочисленные нелегальные общины —

так называемая «катакомбная церковь». В остальном же задача формирования «нового советского человека» обещала скорое полное уничтожение, вычищение православия в пределах железного занавеса.

Данную точку зрения о коренной порче и деградации религиозной жизни в Советском Союзе поддерживали в эмигрантской среде Русской зарубежной церкви. Эмигранты называли Московскую Патриархию «безблагодатной», т. е. мёртвой, формой без содержания, и претендовали на исключительную роль хранительницы духовного наследия России. Понятно, что в самый разгар холодной войны между Советским Союзом и Западом антисоветизм эмигрантов был вещью востребованной.

В начале 1974 года из СССР выслали Солженицына, написавшего перед тем обличительное открытое письмо патриарху Пимену, наделавшее много шума и имевшее своим следствием новые репрессии КГБ. Осенью того же года Солженицын обращается с открытым письмом к участникам Третьего собора Зарубежной церкви. Письмо вызывает сильнейший шок. Вчерашний политзаключённый и яростный борец против коммунистической тирании в нём последовательно аргументирует, почему религиозная жизнь под Советами продолжается, имеет развитие и даже свои преимущества перед эмигрантской средой. В письме Солженицын предсказывает очищение и возрождение православной веры в России своими внутренними силами, Зарубежной же церкви отводит незначительную роль, предрекая ей затухание и аффилирование с Московским Патриархатом. Время подтвердило правоту этих оценок. Спустя полтора десятилетия — с падением коммунистической власти — всё в точности так и случилось.

Сходные ошибки совершаются и современными исследователями. В России работает ряд институтов и фондов: Кестонский институт, созданный ещё в 1969 году для изучения религии и коммунизма, центр Карнеги, фонды Макаруров и Аденауэра, Гумбольдта и Герды Хенкель. Стилистика их деятельности, к сожалению, заставляет говорить не столько об изучении, сколько об утверждении определённого взгляда на религиозную ситуацию, образ и роль Русской церкви в российской и западной аудиториях.

На церковную жизнь и церковно-общественные отношения в России западные исследователи первоначально накладывают ряд характерных для западного мировосприятия шкал: права человека, равные возможности, свобода мнений, открытость и адаптивность к актуальной социальной проблематике, противодействие авторитаризму, низовой контроль за управлением, прозрачность, экономическая самодостаточность. По большинству критериев РПЦ закономерно удостоивается низкого балла, после чего происходящее в ней, органика православной церковности уже не представляют интереса. Остаётся позиция менторства и то, что я бы назвал инструкцией по снижению вреда от РПЦ как от некоего взрывоопасного предмета.

Это отвечает, к сожалению, общей конъюнктуре в освещении образа России и русских западными исследователями и СМИ. РПЦ в подавляющем большинстве своих проявлений аполитична. Российское государство, армия, российские экономические субъекты могут составлять конкуренцию Западу, участвовать в сложных геополитических шахматных партиях. Русская церковь не строилась по образу структуры влияния. Можно взять для сравнения Ватикан и его всемирную сеть, для

которой и сегодня, несмотря на утрату былых позиций, остаётся возможным очень и очень многое.

РПЦ в сопоставлении с этим выглядит вегетариански. Манера ведения дел в зарубежных представительствах Московского Патриархата слишком нетороплива, неагрессивна и необязательна. Обратившись к историческому прошлому, мы почти не найдём случаев, когда бы Русскую церковь обвиняли в связях наподобие сицилийской мафии, закрытых лож, в отмывании средств в грандиозных масштабах. Аналитически достоверным по отношению к Русской церкви является применение критериев культуры, истории, общественного действия, но не геополитики. Увы, но эти важные особенности практически не замечаются. Русская церковь попадает в круг русофобии и записывается в инструменты Кремля. После этого понять что-либо западному исследователю уже невозможно.

В значительной степени «на экспорт» ориентированы и некоторые российские религиоведы, разрабатывающие ниву демифологизации — создания рационального и даже, я бы сказал, математически выхолощенного портрета Московского Патриархата с априори заданным результатом.

Содержание подобных материалов не идёт дальше старых марксистских тезисов о религии как механизме эксплуатации правящей элитой народных масс и материальной, денежной подоплёке интереса духовенства к своему делу. Буквально, конечно, это не является повторением марксистской карикатуры, на которой толстые попы смеются над простофилями, сидя на стопках купюр. В изобилии привлекается либеральная терминология, так что вместо парадигмы классовой борьбы используется, как правило, антиавторитарная и гуманистическая риторика. Но, боюсь, после прочтения большого объёма по-

добных текстов ничего хорошего об РПЦ человек не вынесет. Демифологизация переходит в постмодерновую деконструкцию. И вообще, честно говоря, на таком уровне отчуждённости, самодостаточности мышления потребность в вере и церкви становится уже неочевидной. Начинается столкновение конкурентных политических риторик, когда стороны увлечены тем, чтобы разрекламировать свою систему ценностей и развенчать противоположную. Это ограниченный и бесплодный дискурс, за которым не видно главного — этоса объекта изучения, в частности этоса Русской церкви. В данном дискурсе на протяжении десятилетий действуют западные исследовательские структуры у нас в России.

Критики Церкви иногда делают оговорку о том, что в РПЦ есть некоторое число «истинных пастырей» или «истинных верующих», существование которых в какой-то степени оправдывает Русскую церковь. Однако сводимый к личному фактору исследовательский дискурс обесценивается ещё больше, ибо как проанализировать и понять, что такое добродетель другого человека, выбор совести подлинный и неподлинный? Как уяснить, что значит «мало» и «немало» в отношении христианства, с самого начала объявлявшего себя верой малого стада? В конце концов, мы приходим к той точке, в которой заявляется, что хороших и плохих людей можно встретить везде (вы знаете эту риторику «*bad people, good people*», взятую действующим американским президентом на замену политкорректности, и как по-детски в итоге это выглядит).

Если хорошие и плохие люди есть везде, и это единственное, что можно сказать с уверенностью, корпорации аналитиков пора отправляться в песочницу, играть в детские игры. Сравните это с голосом Солженицына (цитата из письма

к Третьему собору): «Не надо, как я замечаю в некоторых ваших публикациях, игнорировать, обходить умозаключением — самовозникший и самокрепнувший в нашей стране православный мир ... Итак, ожидаемое и, конечно, произойдущее освобождение и нашей Церкви и нашего народа тоже совершится — в метрополии, процессами внутренними, божественно-неисповедимыми, как всё сложное, не прогнозируемое самими дальновидными умами».

Когда читаешь это, складывается впечатление, что не было прошедших 40 лет, и свои предостережения Солженицын направляет прямиком по адресу современных критиков. С точки зрения конкурентной политической риторики, автор наверняка мог бы развернуть широчайшую картину произвола властей, в реализме этого свидетельства Солженицыну тогда не было равных. Множество фактов и самых явственных описаний могло бы быть озвучено вчерашним узником совести. Если стремишься к славе героя, то удобней всего приобретать её именно так — подчёркивая мрачную сторону противостоящей тебе сущности. Но настоящее значение имеет не регистрация и подсчёт частных случаев, пусть и в статистически значимых количествах. Значение имеет модальность и сила влияния церковности на человека, страну и историю.

При всей малой определённости солженицынского текста, художественности, размытых формулировках, использованию отсылок к процессам Божественным, к метафизическому началу, Александр Исаевич представляет, конечно, исследователя — вдумчивого, серьёзного. Множество интуиций, множество лет одиноких размышлений сплелись для того, чтобы видящий основания православной жизни в Отечестве смог сделать свою экспертизу, выразить компетентное заключение. И экспертиза

эта, как мы помним, оказалась точней многих, поднявшись до визионерских высот.

Родовая болезнь западно ориентированного религиозоведения у нас здесь — в том, что оно не просто занимается исследованием ситуации, но позволяет кормиться слою людей, комплементарных по отношению к идеологии либерализма и, наоборот, растождествившихся с местной религиозной средой. Законы экономики, зависимости между финансовым стимулированием и конечным продуктом дают в результате фантастический всплеск — под видом аналитики — самой отборной пропаганды и конкурентной риторики, которая может понравиться спонсорам.

Но даже высокая степень политизации не мешает западно ориентированным критикам Церкви подавать себя в роли борцов за чистоту христианства и критиковать иерархию Русской церкви не просто за ошибки и отклонения в управлении, но за искажение Евангелия и отступление от Христа.

Исключением из правил можно считать публикацию Елены Жосул в газете «Vatican Insider» под заглавием «У нас нет разногласий по поводу роли женщины»¹. В ней автор представляется «мирянкой, дочерью Русской православной церкви, работающей в церковных образовательных структурах, хорошо знающей церковную среду и сам “женский вопрос”». С западной аудиторией автор говорит доступным языком, обсуждая тематику равенства возможностей и разнообразия. В то же время дискуссии о роли женщины занимают в России другое место. Они не имеют ничего общего с истериками в либеральном ключе, когда поиск проявлений мужского превосходства напоминает

¹ Жосул Е. У нас нет разногласий по поводу роли женщины // Иносми.ру. 2013. Режим доступа: inosmi.ru/russia/20130925/213283852.html (дата обращения 01.10.2017).

охоту на ведьм и обратную дискриминацию по признаку традиционных ценностей.

Вообще российское общественное сознание, не только религиозное, с трудом принимает увлечение Запада тематикой равенства и многообразия. В этом видят переразвитие темы и фигуры праздного ума, в рамках которых «личная свобода», категория достаточно умозрительная, выводит из поля зрения по-настоящему драматические диспропорции и вызовы, представляющие угрозу человеческому достоинству. Среди них общественное неравенство, социальный паразитизм, всевластие и алчность элит, застопорившаяся непродуктивная долговая экономика, противоречия между странами и группами стран, грозящие конфликтами, прессинг СМИ, тотальная слежка, роботизация, генетические манипуляции, аборт, индивидуализация, деградация воспитания и образования, повышенный уровень агрессии и психической нестабильности в обществе, экология и другие.

Некогда Ницше провозгласил «смерть Бога» в истории, сказав: «Бог умер». Современный либерализм, образно говоря, желает провозгласить, что «умер Шекспир». Вечные вопросы, коллизии и линии напряжения, которые веками запечатлевала классическая культурная традиция: мужское и женское, драма взаимосвязи и конфликта поколений, крови и рода — объявляются потерявшими значение.

В России действительность слишком далека от лоска и разрешения базовых вопросов, чтобы позволить среднему обывателю предаваться фантазиям на темы гендерной принадлежности. Возможно, выскажу своё личное предположение, что новая повестка, связанная с кризисом глобальной экономики и модели welfare state сместит общественное внимание в сторону более традиционных, консервативных трактовок.

Повторю ещё раз, что материалам российских церковных авторов с самостоятельной позицией, не панегириков, чрезвычайно сложно найти путь к западной аудитории. Я думаю, что до тех пор, пока отправной точкой усилий остаётся пресловутый концепт «продвижения демократии», сложно ждать объективизации образа РПЦ или, по крайней мере, изменения интенций исследований. Слишком велик соблазн — не пытаться постичь Россию и её специфику, разрешить свои затруднения с ней одним махом, в очередном перевороте и сломе существующего порядка. Продуктивный и свободный диалог будет происходить в камерных аудиториях и в сообществах, для которых тематика глобального кризиса и кризиса либерализма актуализирована.